

Г. В.
АЛЕКСЕЕВ

Избранное

Глеб Алексеев

Подземная Москва

«Public Domain»

1924

Алексеев Г. В.

Подземная Москва / Г. В. Алексеев — «Public Domain», 1924

«Ранним утром на Большой Никитской, в той ее части, где еще тенисты сады и не гулок шум трамвая, у оранжеватого домика, облупленного годами войны и революции, как плохой слоеный пирожок, остановился неизвестный молодой человек в серых гетрах. Внимательно проштудировав надпись: «К сапожнику Суркову – один звонок, к гражданке Оболенской – два коротких звонка, к акушерке Сашкиной – два длинных звонка, к археологу Мамочкину – два звонка длинных и один короткий», он позвонил два раза длинно и один коротко. Минут пять спустя на втором этаже открылось окошко, проклеенное зажелтевшей «Беднотой», в него глянула непричесанная четырехугольная голова. Глаза головы были сонны, зрачок от сна мутен, в бороде, словно бабочки, трепались приставшие от дрянной подушки перья...»

© Алексеев Г. В., 1924

© Public Domain, 1924

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	19
Глава восьмая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глеб Васильевич Алексеев

Подземная Москва

Глава первая

Разговор в оранжеватом домике на Никитской

Ранним утром на Большой Никитской, в той ее части, где еще тенисты сады и не гулок шум трамвая, у оранжеватого домика, облупленного годами войны и революции, как плохой слоеный пирожок, остановился неизвестный молодой человек в серых гетрах. Внимательно проштудировав надпись: «К сапожнику Суркову – один звонок, к гражданке Оболенской – два коротких звонка, к акушерке Сашкиной – два длинных звонка, к археологу Мамочкину – два звонка длинных и один короткий», он позвонил два раза длинно и один коротко. Минут пять спустя на втором этаже открылось окошко, проклеенное зажелтевшей «Беднотой»¹, в негоглянула непричесанная четырехугольная голова. Глаза головы были сонны, зрачок от сна мутен, в бороде, словно бабочки, трепались приставшие от дрянной подушки перья.

– А-а-а! – хрипловато откашлялась голова. – Я сейчас!

По лестнице, визгливо заскулившей под ногой, без перил, истопленных в голодный год, мимо ванны, выволоченной на площадку в тот же год за ненадобностью да так и оставшейся, молодой человек поднялся в комнату археолога, и тот указал ему на сколоченный из двух макаронных ящиков диванчик.

Было часов шесть утра. На Кудринской площади прошел первый трамвай, от него хлопотно дрогнули стекла. Молодой человек нашарил в кармане трубку, большим пальцем привычно, одним движением) набил ее табаком, насыпанным прямо в карман. Закурил. Потом, от нечего делать, принялся разглядывать любопытное нутро археологического жилья. Вся правая стена была увешана очень пыльными серыми картонками, на них – обломки кремневых пряслиц, иглоков из рыбьих костей, каменных грузил, молотков, топориков и других принадлежностей первобытного человека. В углу над диваном была укреплена берцовая кость их ископаемого владельца. Рядом – прекрасная коллекция расколотых глиняных трубок времен Тараса Бульбы, ржавый скифский кинжал, с десятков бронзовых наконечников для стрел, растерянных скифами по курганам Украины. На отдельной картонке, заботливо подвешенной под старенькой кисеей, висели две монеты с потертыми надписями «Aristoteles»; под ними рукой археолога было написано: «Русские деньги, сделанные Аристотелем Фиораванти»...

– Итак, я к вашим услугам!

Он был нескладно высок, нижняя его челюсть, опорошенная плохонькой бородкой, обнаруживала упрямство и волю, нос свисал гнилой серой картофелиной, а в щели, опутанные в брови и ресницы, просвечивали два буравчика глаз, обострившихся от одной постоянной мысли. Молодой человек встал в необычайном волнении. Он подал археологу руку, потом спрятал ее в карман и снова сел.

– Продолжим наш вчерашний разговор, – сказал он.

– Этому делу, – отрывисто заговорил археолог, – я отдал всю жизнь? Вы помните, когда цари праздновали трехсотлетие, один из современных знатоков подземной Москвы профессор Стеллецкий подавал докладную записку о необходимости широчайших исследований... Ему не только не дали денег, но старались всячески затормозить работу... Я не знаю, что предпри-

¹ «Беднота» – ежедневная крестьянская газета, издавалась в Москве в 1918–1931 гг.

нимает сейчас профессор Стеллецкий, но я решился тогда же искать на свой риск и страх. В Собакиной башне², против Исторического музея, я нашел наконец...

– Т-с-с!.. – молодой человек подозрительно скосился на дверь.

– Мы можем говорить спокойно. Акушерка на родах, а у бывшей княгини Оболенской со вчерашнего вечера флюс... Я нашел наконец щель, перегороженную белокаменным арсенальным столбом. Я думаю, что это и есть ход дьяка Макарьева. Он назван его именем потому, что дьяк царевны Софьи, Макарьев, был первый человек, спустившийся в подземную Москву. Наткнувшись на столб, Макарьев прекратил дальнейшие поиски. Но, умирая, он открыл тайну дьяку Конону Осипову. Конон Осипов тоже умер ровно двести лет назад, 24 декабря 1724 года.

– Но она есть? – спросил молодой человек в волнении, круто ударяя на слове «она».

– Есть! – решительно подтвердил Мамочкин.

В розовой полутьме московского утра, заползавшего в комнату сквозь неизбежные тюлевые занавески, они были похожи на заговорщиков. Всматриваясь в крепкий подбородок старика, молодой человек думал: «Этот добьется». В конце концов, настойчивость – дело привычки!

– Кто ее видел? – молодой человек сделал резкое ударение на слове «ее».

– О! – вскричал, заражаясь его волнением, археолог. – Человечество никогда не могло забыть о «неведомом сокровище», как назвал библиотеку царя Ивана наш историк Забелин³. Ее видели многие. В шестнадцатом веке – Максим Грек⁴ и Ветерман, ученый патер из Дерпта, которого Грозный пригласил «прочитать ученые книги». Ветерман спускался в подземелье, составил даже «связку», то есть каталог книг, но, испугавшись, что Грозный замурует его, как живого свидетеля его несметных богатств в подземном Кремле, уехал из России. В семнадцатом веке о библиотеке Грозного вспоминают в письмах Аркудий, Сапега, Паисий Лагарид⁵. Царевна Софья посылает в подземелье своего дьяка Макарьева. И тот, продвигаясь по подземному ходу, нашел сводчатую камеру с решетчатым оконцем. Он просунул в оконце свечу и увидел заваленные обвалом потолка сундуки. В существование библиотеки глубоко верил Петр I, давший дьяку Конону Осипову средства для ее отыскания, ему же, умирая, Макарьев раскрыл секрет своего спуска под землю. Но только в девятнадцатом веке, словно вняв легендам, живущим до сих пор в русском народе, о богатствах грозного царя, – апологетами библиотеки впервые выступают ученые: Дабелов, Клоссиус, Тремер⁶, приезжавший в Россию в 1891 году для самостоятельных раскопок, Соболевский, Щербатов и Стеллецкий⁷. Щербатов, бывший помощник директора Исторического музея, спускался в подземелье и даже шел его ходами. Он жив и поныне... Но где же она? – место ее пребывания до сих пор не мог точно указать ни один человек. Грозный умертвил всех рабочих, замуровавших в землю его «в пере-

² Собакина башня – до начала XVIII в. так называлась угливая Арсенальная башня Кремля, по примыкавшему к ней двору боярина Собакина.

³ Забелин Иван Егорович (1820–1908) – историк, археолог, москвовед, один из создателей и фактический руководитель Исторического музея в Москве.

⁴ Максим Грек (настоящее имя Михаил Триволис) (ок. 1475–1556) – греческий церковный деятель, монах, публицист, писатель, переводчик, филолог. С 1518 г. жил в России. Выл близок к церковной оппозиции.

⁵ Аркудий (XVII в.) – католический миссионер, иезуит, агент папы римского. Сапега Казимир Лев (1609–1656) – литовский магнат, участник русско-польской войны 1654–1667 гг. Паисий Лигарид (1610–1678) – митрополит газский, доктор богословия, в 1662 г. прибыл в Россию, участвовал в борьбе царя Алексея Михайловича против патриарха Никона, был тайным агентом папы римского.

⁶ Дабелов Христофор Христиан (1768–1830) – немецкий юрист. С 1819 г. – профессор в Дерптском университете. Клоссиус Вальтер Фридрих (1795–1838) – юрист, профессор. Занимался поисками в России латинских и греческих рукописей, преимущественно юридического содержания. Тремер Эдуард – немецкий ученый, специалист по древнегреческой литературе.

⁷ Соболевский Алексей Иванович (1856/57 – 1929) – советский филолог, академик. Занимался изучением древнерусской письменности, палеографии, топонимики, истории древнерусского искусства. Щербатов Николай Сергеевич (1853–1929) – директор Исторического музея в Москве. Стеллецкий Игнатий Яковлевич (1878–1949) – историк, археолог, много занимался поисками библиотеки Ивана Грозного.

плетах из чистого золота книги». Он понимал, что для того, чтобы сохранить библиотеку для грядущих веков, – мало ее засыпать, надо еще плотно забить глиной самый коридор, «запаковать» туннель так, чтобы даже в подземелье к нему не было хода... Я почему-то думаю, что даже сам Аристотель Фиораванти...

– Что вы говорите? – вскрикнул молодой человек, бешено срываясь с диванчика.

– Я хочу только сказать, что до сих пор неизвестен год смерти отца Московского Кремля, что неизвестно, где его могила...

– Вот то, для чего я из Италии... впрочем, постойте... Я убежден, что имя... имя зодчего связано с библиотекой... Найдя ее, мы вскроем наконец эту тайну... Вы понимаете теперь, Павел Петрович, какое огромное дело возникает из нашего скромного желания? Проклятые концессионеры, о которых я вам вчера говорил, не должны об этом знать... В конце концов, не только Фредерико Главич, но вся Европа заинтересована в тайнах Московского подземного Кремля. Вы понимаете?

– Я понимаю, – с твердостью отвечал старик, – у наших детей есть лозунг, которого, к сожалению, никогда не было у нас с вами: «Всегда готов!». Я также готов поднять два пальца: «Всегда готов!».

– Итак, руку!

– Вот моя рука!

Они встали оба и с некоторой торжественностью пожали друг другу руки. В тот же момент за стеной послышался скрип отодвигаемого стула, кто-то простонал, словно неосмотрительному человеку наступили на мозоль. Молодой человек громко рассмеялся.

– Как хотите, – сказал он, опять набивая в кармане трубку одним движением большого пальца, – мне решительно не нравится этот княжий флюс по соседству. Но – к делу! Итак, какими совершенно точными историческими данными о существовании подземной Москвы вы располагаете? Тогда археолог начал свой рассказ.

Глава вторая

Существует ли подземная Москва!

– Итак, существует ли подземная Москва?

Не колеблясь, он продолжал с уверенною простотой фанатика:

– На каждом шагу мы попираем подземную Москву, этот зачарованный подземный мир, такой далекий от надземной прозы, с ее откровенной погоней за рублем. Если бы внезапно Москву, – по-японски, – встряхнуло землетрясение, – мы с вами, провалившись в тартарары, обязательно угодили бы в лабиринт хитро сплетенных ходов, тайников и пещер. Когда мы отправимся туда, вы воочию увидите, что «по вся дни» пребывает в ней. Но вам сейчас нужны теоретические доказательства существования подземной Москвы, не правда ли?

Тут прежде всего мы должны остановиться на важном вопросе древности Москвы вообще... Как древна наша красная столица? Летописцы насчитывают ей едва восемь веков, а что такое восемь веков с точки зрения археолога? Восемь человеческих лет, не более...

Но сейчас уже никто не отстаивает столь юный возраст Москвы. Даже Н. А. Шамин⁸, оглядываясь на маститого Забелина, отодвигает его еще до призвания Рюриковичей, насчитывая, таким образом, Москве тринадцать веков. А сам Забелин уходил в историческую тьму гораздо дальше своих последователей. Он насчитывал Москве веков пятнадцать, то есть лет двадцать пять, – возраст, так сказать, предельный для замужества... Забелину казалось, что еще в те далекие времена, когда «Арго» Язона⁹ носил на своей кипарисовой палубе каменные якоря, он, Язон, поплыл после бурного романа с мцхетской Медеей¹⁰ не к себе, в Милет, а на Волгу, на Оку до Москвы, и отдыхал у забелинской «кремлевской береговой горы». По Забелину, это было за пять веков до нашего летоисчисления, а по Иловайскому¹¹ – даже за семь. Когда бы то ни было, с совершенной достоверностью можно сказать, что Язон действительно побывал на Москве-реке. Здесь он менял свои милетские лекифы¹² и светильные лампочки с нескромными барельефами на носильные шкуры, костяные шилья, пряслицы и гарпуны того самого типа, что недавно были обнаружены при раскопке Боровского кургана под Москвой. Вряд ли столь примитивные вещи были необходимы ему для повседневного употребления!.. Как видится, уже тогда существовал вкус к археологии...

Итак, Язон на московской кремлевской горе встретил аборигенов каменного века. Большой знаток столь отдаленных от нас времен покойный профессор Д. Н. Анучин¹³ утверждал, что каменный век тянулся в Москве до второго-первого столетия до нашей эры... Но молодой археолог Брюсов¹⁴ на «Заячьей Горке» и в Костромской губернии нашел железный шлак, насчитывающий будто бы лет на пятьсот больше забелинского Язона, а анучинских троглодитов – даже на целое тысячелетие...

На тысячу лет старше или моложе был кремлевский троглодит – в конечном счете это не играет особенной роли. Важно утверждение ученых, что он действительно жил на месте теперешней Москвы и оставил после себя наглядные следы. По рекам Пехорке, Клязьме, Уче,

⁸ Шамин Николай Андреевич (1862–1933) – писатель, гласный Московской городской думы, занимался историей Москвы.

⁹ «Арго» Язона – в греческой мифологии герой Язон со своими друзьями отправился на корабле «Арго» в Колхиду и добыл золотое руно.

¹⁰ Медея – дочь колхидского царя Ээта, полюбившая Язона.

¹¹ Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) – историк, публицист, автор книги «Разыскания о начале Руси», противник норманнской теории.

¹² Сосуды; (Здесь и далее примеч. авт.)

¹³ Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) – русский антрополог, географ, этнограф и археолог, академик.

¹⁴ Брюсов Александр Яковлевич (1885–1966) – советский археолог, младший брат поэта В. Я. Брюсова.

у сел Капорки, Болшева, Краскова, того самого, где теперь отдыхают москвичи на дачах, он оставил дюнные стоянки, густо усеянные отбросами его быта. Кремлевский троглодит также отдыхал и поправлялся здесь на даче, принимая солнечные ванны в жару и поеживаясь под шатрами из шкур в ветреную погоду...

Но на этих подмосковных пляжах было рискованно оставаться на зиму даже троглодиту. Куда же он уходил на зиму? Вот вопрос, на который так затруднялись до сих пор дать ответ русские археологи! Вот та пята, куда они наиболее уязвимы!

Несомненно, что троглодит уходил на зиму в теплые и сухие пещеры Московского Кремля. Идеальной почвой для пещерного жителя был лессово-ледниковый нанос эолового или водного происхождения¹⁵. Впрочем, по этому вопросу наши ученые еще не столковались. Профессор Анучин писал, что «лессовидные отложения были найдены под валунными наносами кое-где и под Москвой». Отсюда ясно, что и забелинскую «кремлевскую гору» подстилает вот этот самый лесс, а это значит, что московскому троглодиту было где разгуляться и пройтись в узких, но сухих, запутанных, обнимающих большое пространство пещерах под Москвой...

Сохранились ли эти пещеры до нашего времени?

Полагаю, что и на этот вопрос следует ответить решительным «да», но с маленькой оговоркой, – не под всей Москвой. В наилучшей сохранности остался подземный лабиринт в районе Боровицкой и Водовзводной башен... Зато в районе дворцов и кремлевской стены подземные ходы уничтожены глубокими фундаментами, а также подземными тайниками царей и князей церкви, нужных им для того, чтобы прятать свои сокровища, как это сделал Иван Грозный со своей библиотекой, и чтобы иметь удобные пути для бегства на случай народного бунта...

¹⁵ ...нанос эолового... происхождения. – Эоловые отложения – песчаные и глинистые отложения, образованные из нанесенных ветром частиц.

Глава третья

Причуды «золотого осла»

Но тут я должен отвлечься и рассказать о событиях, происходивших в начале текущего года на западном берегу Адриатического моря, в Рагузе¹⁶ – в той самой замечательной республике, которая ухитрилась просуществовать 1800 лет, вплоть до Наполеона и адмирала Синявина. Я должен объявить Прямо: рагузьянская республика никакого отношения к моему рассказу не имеет, но Фредерико Главич имел неосторожность как раз именно там родиться. Это был человек лет шестидесяти пяти; по Атлантическому океану плавало восемь пароходов, на кузовах которых кованым серебром было выписано его имя; в мировую войну он заработал миллиарда два на селитре, поставляя ее одинаково и в Германию и во Францию; его живот висел, как мешок с золотом, а синеватая, густого жира, рука крепко держала банки не только Адриатического побережья. Жизнь этого человека истекла сплошным «днем отдыха». По утрам он завтракал целым петухом, газеты ежедневно обзывали его далматинским Морганом, у него была великолепная любовница – блондинка с вымоченными в водороде волосами, и разве только славы, настоящей европейской славы, от которой пахло бы уютом собственной яхты и банковским концерном на всю Среднюю Европу, не доставало этому «золотому ослу», как называли его под шумок в портовых далматинских кабаках.

Впрочем, если газеты менее трех раз в день упоминали его имя, – Главич плевал в стакан кофе. Конечно! Appetit был испорчен! Но если бы дело ограничивалось только испорченным аппетитом... В тот же день летели телеграммы в Лондон, и фрахт шести пароходов, отходивших из Кардифа, начинал колебаться так, словно пароходы трепало где-нибудь у Азорских островов мертвой зыбью; на чилийских фабриках начиналась очередная паника по случаю снижения заработной платы, и невзыскательные краснокожие, одев мокасины, клялись, что они объявят наконец забастовку, а по Далмации поднималась цена на соль: нередко кроме банков у «золотых ослов» есть тяга к предметам первой необходимости.

В тот день в социалистической газете Фредерико Главич был обрисован во всей красоте: с такими изумительными ушами, каких сроду не бывало даже у самого возмутительного осла. Под ослом же была малоостроумная подпись:

Золотой осел, но не Апулея¹⁷.

Фредерико пил утренний кофе в беседке среди одуряющего запаха левкоев. Над беседкой – лев выразительно держал в серебряной лапе землю. Кресло, в котором он сидел, блестело золотом. На лбу блондинки Кэтт в то памятное утро покоился большой синецветный бриллиант: миллиардер находил, что его любовница может позволить себе роскошь менять цвета бриллиантов каждый день.

Главич плюнул в кофе и отодвинул стакан.

Тогда Кэтт сказала:

– Вы должны наконец решиться на предложение этого негодяя. Это будет вам стоить миллиона два, но тогда вы поедете в Рим и вас примет папа. Тогда, я смею это думать, ваше имя войдет в историю культурного человечества... И, наконец, кто знает, где спрятаны эти самые богатства? Может быть, они как раз там и спрятаны?

¹⁶ Рагуза – латинское название города Дубровник (Югославия); основана в VII в., была заселена славянами. В средние века была центром аристократической городской республики.

¹⁷ Апулей (ок. 125 – ок. 180) – древнеримский писатель, автор авантюрно-сказочного романа «Золотой осел».

У Кэтт была восхитительная улыбка. Два года назад эта улыбка сводила с ума одинокого миллиардера, плевавшего в кофе в Спалато. Но в эти два года выяснилось, что одними плевками не завоеешь славы даже Герострата¹⁸.

– Хорошо, Кэтт, – уныло сказал миллиардер. – Я люблю негодяев потому, что они интереснее честных людей. Вероятно, я был слишком честен, чтобы представлять какой-нибудь интерес для человечества. Пусть он придет сегодня в три часа...

«Негодяем» назывался человек, пришедший в Рагузу пешком из Константинополя. Когда этот человек был в Московском университете, он «не стеснялся расстоянием насчет латыни» за полтинник в час, в 1914 году разгуливал в новеньких погонах прапорщика и пил «за скорое взятие Берлина» в калужском трактире за Чертовым Логом. Но в революции оказалось, что не все элементы страны нужны освобожденному народу и меньше всего погоны прапорщика и латынь. Тогда, «не стесняясь расстоянием», он отправился к Каледину, на Дон, переболел тремя тифами, торговал шнурками для ботинок в Галате, но потом догадался, что жизнь – веселая штука даже за границей, так как везде на свете есть свои дураки. Он даже сделался профессором русской литературы в Софийском университете, не без успеха прочел лекцию о Пушкине в Нише и в Скопле, в Загребе организовал общество русско-славянской дружбы, касса которого так и не отыскалась до сих пор, в Люблянах – бандажную мастерскую и только в Сараеве, где упорно не везло, занялся изготовлением русской простокваши. В Рагузе ему довелось уверить посиневшего от скуки миллиардера в том, что в Москве под землей спрятаны огромные богатства и их можно достать, стоит только взять концессию на проведение московского метрополитена и начать копать землю. Он соглашался поехать лично с паспортом швейцарского подданного.

– Помимо богатств, – говорил он, – мы обязательно найдем грамоту Константина Великого о привилегиях папскому престолу перед православными патриархами... Вы повезете ее в Рим, и папа поцелует вас в затылок... Всякий человек стремится увековечить свое имя, хотя бы простейшим способом продолжения потомства... Но этот способ известен каждому рыбаку... Этого ли жаждет ваша просвещенная, уставшая от человеческих удовольствий душа?

У «негодяя» было открытое славянское лицо, чистые, как зубной порошок, зубы и некоторый навык в обращении с «дураками». Все это, вместе с природной сметкой русского человека, оказалось неплохим средством к существованию за границей.

В три часа миллиардер задумчиво смотрел на серебряную лапу льва и думал, что ухваченная им земля пока что не более как обманувшая мечта. Все миллиардеры отличаются странностями: Карнеджи собирал коллекцию пуговиц и подтяжек, Клемансо охотился на тигров, король автомобилей Форд усыновил попугая, а Вандерлип добивался концессий в России. Все это, конечно, странности, но, если вдуматься, пожалуй, только они и удержат имена миллиардеров в истории. И разве не возмутительная ирония судьбы: быть миллиардером, а умереть от простого чирья на шее?

– Хорошо, – кисло сказал миллиардер, – я согласен наконец на ваше предложение. Дайте телеграмму моему берлинскому представительству, чтобы тотчас же вошли с предложением концессии в Москву. В этой вилле вам отведут комнату. Вы мне прочтете несколько популярных лекций по русской истории и отныне будете присутствовать при моем завтраке. Это все, что я вам могу сегодня сказать...

«Негодяй» снял шляпу и откланялся.

Во всей этой истории не было бы ничего замечательного, особенно для страны, в которой давно вывелись миллиардеры и даже старики с флюсами не помнят об их причудах, если бы

¹⁸ Герострат – грек из г. Эфеса. Чтобы прославиться, сжег в 356 г. до н. э. храм Артемиды Эфесской (одно из «семи чудес света»).

каприз далматинского «золотого осла» не положил начала занимательной истории, которую я и собираюсь рассказать.

Глава четвертая

Миллиардер Фредерико Главич действует

Миллиардер Фредерико Главич «нажал кнопку» в тот же день. Пароходы в Кардифе получили радио о повышении фрахта на три с половиной процента. И если бы не фирма «Кук и сын», обслуживавшая корабли крупного каботажа, пароходы остались бы без грузов. Но фирма нашла эти проценты в заработной плате грузчиков, и цифра фрахта осталась прежней.

Далматинские банки предъявили требование об уплате ссуд в срок без всяких проводочек. Счастливые виноградари продали по этому случаю урожай на корню, а двадцать три усадьбы, под самой Рагузой, пришлось ликвидировать с молотка. Я мог бы еще рассказать, что в Триест по тем же причинам не зашло ни одного парохода и полсотни безработных матросов спились в портовых кабачках, что в Черногории за фунт соли платили фунт сахара, что в Загребе лопнуло отделение хорватского банка, отчего пострадала не одна хорватская деревня, что в Мюнхене прикрылась фабрика искусственного алюминия, которой отказали в очередном кредите, а чилийские краснокожие наконец забастовали и были поголовно возвращены в первобытное состояние, – но это не имело особенного значения. Фредерико Главич действовал, словно полководец, стягивавший резервы для нового решительного наступления.

Всего на пятый день затеи в Дейтше банк поступили аккредитивы из Чили, из Рагузы, из Нью-Йорка, из Загреба, а в русское посольство на Унтен дер Линден явились два инженера в полосатых брюках разговаривать о концессиях на московский метрополитен. Они посулили золотую гору, а себе хотели только мышь. Они так уморительно выговаривали слово «Замос-с-с-кворечье», что посол телеграфом снесся с Москвой.

В тот же день в гостинице «Адлон», в которой обыкновенно останавливаются короли, миллиардеры и международные прохвосты, готовили три номера. Их застилали новыми коврами, мебель перетянули шелком цветов флага хорватского королевства, а над дверями спешно укрепляли знакомую эмблему: льва, держащего землю в серебряной лапе. Кроме того, миллиардер потребовал, чтобы в вестибюле повесили гамак, в котором он собирался принимать утренних посетителей.

У отеля «Адлон» всегда толчется большая толпа зевак. Я не знаю ее социального положения. Может быть, это безработные кадры рейхсвера, или толпа поваров упраздненной фамилии Гогенцоллернов¹⁹, или просто группа унылых жуликов, – но эта толпа была свидетельницей странного кортежа, показавшегося в воскресенье утром у Бранденбургских ворот. Впереди – в открытом автомобиле – подвигался «негодяй». Он, очевидно, сдерживал свою натуру от того, чтобы не встать, например, на сиденье и не замахать шапкой, как это любили делать в свое время брандмейстеры уездных городов, мчавшиеся на пожар. С ним рядом поместились два католических патера. В следующем автомобиле развевались по ветру лучезарные кудри Кэтт. Главич потребовал, чтобы она улыбалась народу. Сам миллиардер дремал в отдельном лимузине, на запятках которого стояли два краснокожих перуанца в костюмах православных кабардинцев: последнее – по совету «негодяя», находившего, что миллиардеру все-таки следует познакомиться с русским вкусом.

Толпа зевак оглушительно заревела:

– Хох!

¹⁹ Гогенцоллерны – династия бранденбургских курфюрстов (1415–1701), прусских королей (1701–1918), германских императоров (1871–1918).

Этим криком она встречала одинаково и королев, и миллиардеров, и международных прохвостов. Тогда патеры осенили ее крестом и помочили кропилом, а светловолосая Кэтт, в первый раз в жизни увидавшая настоящую Европу, подарила народу восхитительную улыбку.

Главича на руках перенесли в гамак.

К сожалению, в планы моего повествования не входит описание причуд этого любопытного экземпляра вымирающей породы. Он, например, приказал вынести из отеля все часы. Он уплетал за завтраком целого петуха, а пока он уплетал, патеры должны были непрерывно читать молитвы. Его именовали «ваша светлость». Он требовал, чтобы краснокожие черкесы плясали казачка, и продушил в конце концов весь отель столь густым русским духом, что соседки его по номеру, два позабывших помереть скелета из Эдинбурга, уехали на родину, не закончив изучения Германии даже по Бедкеру²⁰.

Но дело концессии шло своим чередом.

Из Москвы был получен вполне благоприятный ответ. Правительство СССР соглашалось предоставить «анонимной компании прокладку московского метрополитена и его эксплуатацию на тридцать семь лет». «Негодяй» ежедневно читал лекции по русской истории, и миллиардер узнал некоторые любопытные факты. Так, оказалось, что русский царь Иван Грозный ограбил три города: Торжок, Новгород и Псков, а все богатства зарыл в землю под Кремлем.

– Золото блестит даже под землей, – сострил он, приканчивая очередного петуха, на что Кэтт восхитительно улыбнулась, а патеры сказали: «Amen». И только самые последние дни перед отъездом концессионеров в Москву едва не испортили всей хитроумной затеи. По ночам Главича мучила бессонница – эта типическая болезнь всякого человека, перевалившего за второй миллион. Он дул пиво, хлестал шерри-коблер, хлебал виски, как воду, но спать – нет, извините, – не мог! Однажды за полночь он решил испробовать гамак в вестибюле и вдруг увидел «негодяя», кравшегося в одних носках в комнату Кэтт. Ловким пинком ноги Главич успел спустить его с лестницы, «негодяй» с покорностью пробил головой зеркало, но дело концессии все же заколебалось. «Негодяй» должен был выбыть, а без него развалилось бы все предприятие. Однако Кэтт вовремя сумела убедить миллиардера, что лучший способ отвязаться от человека, покусившегося на ее нравственность, именно отправить его в Россию: там его обязательно расстреляют, даже не посмотрев на его швейцарский паспорт, альпийскую шляпу и костюм туриста в огненную крапинку с желтизной.

В ночь на субботу экспедиция выехала.

²⁰ Бедкер Карл (1801–1859) – немецкий издатель, в 1827 г. основал издательство путеводителей по разным странам.

Глава пятая

Концессионеры прибывают в Москву

Подземная Москва становилась центром кружительных событий.

В конце апреля приехали главичевы инженеры в полосатых брюках. Они ходили по Кузнецкому, пугая лошадей огромными черепаховыми очками. За ними, стайками переполошенных воробьев, вились моссельпромщики. Инженеры удивлялись стуку и треску, с которыми в Москве носятся автомобили, долго примеривались: как можно ходить по московским улицам не толкаясь, обедали в «Эрмитаже», едва не запарились до смерти в Сандуновских банях, по воскресеньям на Ленинских горах разглядывали в бинокли юных физкультурниц, – проделали все, что полагается проделать «знатным иностранцам» в Москве. Но лучше всех чувствовал себя «негодяй». Когда переезжали Себеж, он наглухо влез в воротник пальто и сказал по-немецки приветственную речь представителю местной власти. Он до слез растрогался пограничными порядками и даже пригласил «к нам в Швейцарию» проезжего делопроизводителя из Наркомздрава. Но тот посмотрел на него таким упорным взглядом, что «негодяй» умер, завалялся в своем пальто в уголок и положился на Николая-угодника. Угодник вывез, и «негодяй» очутился в Москве.

Про Швейцарию он рассказывал совершенно потрясательные факты.

– Во-первых, – электрифицирована, даже на Монблане по вечерам горят лампочки в пятьдесят свечей, и их никто не ворует. Во-вторых, – асфальтирована вплоть до конюшен. В-третьих, – у самого завалящего столяра, едва умеющего толком починить стул, обязательно висит смокинг; в нем по вечерам он отплясывает «джимми», а утром принимает заказы. В-четвертых, – черт его знает, что было в-четвертых, но «вам», – тут «негодяй» начинал приспособливать на швейцарский лад свое костромское наречие – даже в двести лет не догнать Европы.

Девушки из ГУМа слушали эти рассказы с потрясенной душой. «Негодяя» приглашали нарасхват, и он шутя нахватал «до четверга или до пятницы» червонцев двести.

План метрополитена был наконец утвержден, и иностранцы начали раскопки одновременно в трех пунктах. На Большой Дмитровке, возле того самого дома, где еще так недавно чуть-чуть не обнаружили подземный ход, под круглой башней на Старой площади и возле дома Малюты Скуратова в Замоскворечье. Копали узкими, как кротовый ход, колодцами, и в зевавшей рядом толпе не раз можно было заметить археолога Мамочкина и молодого человека в серых гетрах. Казалось, они с большим любопытством наблюдали за бочками с землей, которые на блоках выволакивали на поверхность.

– Не в первый раз, – шептал в бородачку археолог, – точно таким же способом копал Конон Осипов... Но, при всей трудности напасть на жилу хода именно таким дурацким способом, на их стороне может оказаться слепое счастье. Я думаю, нам пора принять меры...

С внешней стороны все обстояло благонадежно. В самом деле, в Москву приехали иностранцы прокладывать метрополитен; через год от Сухаревой башни на Якиманку можно будет ехать за гривенник с таким же комфортом, как в Берлине или Париже. Даже самая сугубая осторожность не смогла бы уловить ничего подозрительного. И разве только телеграммы, которые регулярно уходили из Москвы в Адлон, могли показаться странными.

– Пущено три вагона, – телеграфировал «негодяй», в то время как никакие вагоны не были пущены.

В эти же дни из Берлина прибыли два новых инженера. Их назначение было непонятно даже участникам концессии. Они были молчаливы, как, впрочем, все знающие себе цену люди, упитанны до здорового, слегка лоснящегося румянца, но оба с гнилыми зубами. «Химия», –

улыбнулся один из них, когда в дружеской беседе знатных иностранцев за столиком в «Эрмитаже» «негодяй» рискнул поинтересоваться причинами столь раннего выпадения зубов.

Итак, работы шли полным ходом. Костромские и ярославские мужики, из сквера Лермонтова²¹, у Красных ворот, получили прибыльную работу. Землю возили за город. На площадях из желтых тесин настроили будок, а толпу зевак отделили канатами. Вдоль канатов прохаживались «снегири»²², отмахивая красными палочками особенно назойливых. И когда наконец в «Эрмитаже» состоялся первый банкет, на который все иностранцы явились в смокингах, в Адлон ушла телеграмма: разведки закончены, в оранжевом домике на Никитской состоялось бурное совещание, имевшее самый неожиданный результат.

Археолог Мамочкин держал молодого человека за пуговицу и, заплевывая свою бороду, вопил:

– Наша обязанность сегодня же открыть все властям!.. Мы не можем допустить расхищения национального имущества!

– Нет! – категорически отвечал молодой человек в серых гетрах.

– Они проникли в ходы! – забывая всякую осторожность, орал археолог.

– И пусть!

– Они ее найдут!

– Найдут! – печально соглашался молодой человек.

– И вывезут так, что не только мы с вами...

– А это мы еще посмотрим!

Вспотевший Мамочкин в изнеможении плюхнулся на макаронный диван. Его крепкое, вырубленное кремневым топором лицо размякло как яичница. Он ничего не понимал.

– Дорогой Павел Петрович, что они ее найдут, я не сомневаюсь. Но представьте себе: если сейчас мы с вами отправимся, скажем, отделение милиции и заявим, что инженеры Фредерико Главича проникли в кремлевское подземелье для того, чтобы украсть богатства Ивана Грозного, – в лучшем случае нас заставят выспаться в отделении, осведомившись: где мы достали самогон? Тут нужно действовать иначе...

За стеной, под самой дверью, осторожно пододвинули стул. Молодой человек прыжком кошки скакнул к дверям и вдруг их открыл:

– Прежде всего так!

За дверью с грохотом ссыпалась чья-то фигура с подвязанным флюсом. В полете она повалила умывальник, за умывальником перевернулась ванна, ржавые картонки, зонтики, швейная машина и самовар – весь тот ассортимент предметов домашнего обихода, который Москве никак не умещается на шестнадцати квадратных аршинах жилой площади и хранится обыкновенно в передней.

– Вы не ушиблись? – заботливо осведомился молодой человек.

Гражданка Оболенская поднялась с пола:

– О нет!.. благодарю вас... я только хотела повесить шторы. В комнату Павла Петровича так дует из передней... Впрочем, я могу это сделать и завтра...

Плотно прикрыв дверь, молодой человек сказал:

– Пора! Сейчас мы едем ко мне, я приготовил мотыги, мешки с едой, электрические фонари и веревки. У вас готов план спуска?

– Готов!

– Сегодня же ночью мы спустимся под землю!

²¹ ...мужики из сквера Лермонтова... – в этом сквере находилась биржа безработных крестьян-отходников.

²² «Снегири» – московское прозвище милиционеров.

Глава шестая

«Буржуазный рядок» на Сухаревке

Но в тот день стряслись еще некоторые события, во многом изменившие первоначальный план. До сих пор неизвестно, когда иностранцы напали на след подземного Кремля: в субботу ли ночью или воскресенье утром? Но в воскресенье утром видели, однако, «негодяя», с видом туриста расхаживающего по Сухаревскому рынку.

Пожалуй, он просто с любопытством наблюдал картинку московского торжища.

Он постоял в шапочном ряду, где молодцы примеривали шапки, а пока примеривали, исчез картуз у того, кому примеривали. В обжорном ряду шипела на сковородах яичница, брызгаясь горячим салом на руки и даже на носы неосторожных прохожих; с треском, словно живые, подскакивали на сковородках пироги и котлеты; мужчина лет сорока, в фуражке инженерного ведомства, время от времени говорил замогильным басом: «Вот дули!» Под ногами шныряли мальчишки, на ходу залезая в карманы; солнце пропекало затылок; на мясных палатках, над открытыми, словно кошель, мешками с мукой, с сахаром, с подсолнухами кружились зеленоватые облака мух. Тут можно купить все: от подтяжек, снятых с плеч тут же, до мотоцикла. Гребенки, пиджаки, вывороченные в пятый раз, дуделки для детей, диваны с подштантными боками, зеркальные шкапы, отражающие удивительные рожи, и ужасающее количество сапог. Сапоги носили на руках, их примеривали, постукивали по подошвам, любовно поплеывали на голенища и расходились, не сойдясь в гривеннике.

По правую сторону трамвая, фыркающим комодом налезавшего на эту разношапочную, разномастную, орущую и жующую толпу, находился замечательный «буржуазный рядок». Тут толпились бывшие полковники в серых, протертых по швам шинелях, дамы в бархатных когда-то тальмах, бывший присяжный поверенный и бывший вице-губернатор Вово, сильно постаревший за эти «роковые десять лет», но так и не научившийся выговаривать букву «р», Зизи, Мими, княжна Анна Львовна, помните, та самая, что в Благородном... Они торговали остатками саков и мехов, дедушкиными подарками, чернильницами с амурами, из которых нельзя писать, раздробленными несессерами, ножичками для рыбы, стенным бра – хламом, который остался от голодных лет да так и не пригодился. Тут же по сходной цене предлагали бюстгалтеры, духи «Лориган Коти», в которых на чаю плавали две капли настоящих духов, цветные наколки для волос, плюшевые альбомы, будильники с музыкой, виды Кавказа и мундштуки.

– Майн герр, – сказала по-немецки дама с заботливо увязанным флюсом – на Сухаревке ее звали «барыня Брандадым», – не обратите ли вы внимание на этот великолепный кальян, вывезенный покойным мужем из Константинополя?

Конечно, это была «дама из общества». «Негодяй» догадался по породистому носу, тонким, как мундштуки кальяна, рукам и отличному выговору на чужом языке. Он взял в руки мундштук и для чего-то поглядел в дырочку. Кальян он раньше не видел, но, черт его знает, по какой надобности покупаются иногда вещи?

– Мой муж почти не употреблял его. Я помню, когда мы шли по Пера в Константинополе...

У «барыни Брандадым» обозначилась слеза и повисла на просаленных заячьих ушках платка. Ко всему тому ее беспокоил флюс. Но она отлично разбиралась в психологии покупателя. И когда тот, повертев мундштук, в нерешительности протянул его обратно, она «прикрыла» козырным тузом:

– Я – урожденная Дурново и по мужу княгиня Оболенская... За весь этот прибор, излюбленную вещь покойного князя, я прошу только меру картошки...

– Меггу кагтошки, – подтвердил Вово. Правда, он был пьян, – «с этой революцией Вово совсем опустился», – но, смерив взглядом туристский костюм «негодяя» и его швейцарские «котлетки»²³, Вово добавил в точку: – Не скупитесь, ггаф...

Кальян был куплен. «Негодяй» остался джентльменом до конца. Впрочем, он тут ничем не рисковал. Он повел даму по зеленому ряду, в котором, словно снесшиеся куры, орали торговцы.

– Вот пимадоры! Крымские пимадоры!

– Агурцы! Агурцы!

– Редису не прикажете?

«Барыня Брандадым» приторговала меру картофеля и, пока ее ссыпали в подштопанную старым носком плетенку, спросила с томностью:

– Вы иностранец?

– Иностранец, – подтвердил «негодяй».

– Вероятно, вы немец? – продолжала догадываться дама. – В наше время так редко приходится беседовать с настоящими людьми.

– Нет, я из Женевы! Из самой Женевы!

– Ах, я так живо помню это очаровательное озеро... Когда мы с мужем... – вы знаете: я – Дурново, а по мужу княгиня Оболенская... – были в Швейцарии, мы так любили вечером поехать на лодке... И этот звон женевских костелов в хрустальном воздухе...

– Удивительный звон! – согласился «негодяй».

– Такого звона я не слышала во всем мире, – с восторгом перебила дама... – Насыпьте еще четверку... Нет-нет, вот из этого мешка... Эти «нувориши» всегда подсунут самую гниль... В этом звоне есть что-то баховское, вы не находите?

– О да!.. Он очень напоминает мендельсоновскую «Песню без слов»...

Картошка была насыпана, когда дама спросила вполголоса:

– Зачем же вы приехали в эту ужасную страну?

– Я – концессионер. Я приехал прокладывать московский метрополитен...

Как говорится: рыбак рыбака видит издалека. Двадцать минут спустя «барыня Брандадым» ехала с «негодяем» на извозчике, и «негодяй» вежливо поддерживал ее под локоток.

²³ «Котлетки» – бакенбарды котлетами.

Глава седьмая

Условия «Барыни Брандадым»

Извозчик остановился у оранжеватого домика на Никитской, и приехавшие стали подниматься на лестницу. На ней по-прежнему омерзительно пахло кошками, ступеньки жалобно скулили под ногой, в полумраке «негодяй» едва не споткнулся о ванну.

– Вы видите, как я живу, – сказала «барыня Брандадым» страдальческим голосом, – все эти ванны, кошки и дрова способны задушить живую человеческую душу.

– Я вас вполне понимаю, – в тон ей отвечал «негодяй», протаскивая картошку в комнату. И дверь за ними захлопнулась на замок.

«Негодяй» плюхнулся на диванчик и сказал:

– Княгиня, счастливая случайность свела нас сегодня на этом ужасном Сухаревском рынке... Дело, ради которого мы приехали сюда, огромной, почти непередаваемой простыми человеческими словами, важности... Оно может не только обогатить вас, оно может... Словом, оно может доставить вам возможность забыть о существовании Сухаревки!..

Но в комнате «барыня Брандадым» вдруг преобразилась. Она сняла подъеденную молю шляпку, попудрилась возле плешивого зеркальца и, подобрав губы в снисходительную улыбку, присела у окна.

– Все это так, – сказала она с достоинством истинных Рюриковичей, – я не отказываюсь помочь вам...

– Но чем, я прошу вас совершенно точно указать это. Мы, швейцарцы, любим точность во всем.

– Прежде всего, я открою вам план русской экспедиции в подземную Москву. Я назову имена ее участников. Наконец, я совершенно точно укажу время, когда они спустятся под землю.

– А-а-а! – важно пропел «негодяй», – все это действительно нам очень нужно, но что вы хотите за сообщение таких сведений? «Барыня Брандадым», словно прицеливаясь, прищурила глаза:

– Прежде всего, чтобы вы на мне женились?

– Виноват?

– Вы не ослышались... Прежде всего, чтобы вы на мне женились. «Негодяй» увял внезапно, как увядает цветок осенью. Он даже не успел окинуть взглядом женщину, предъявившую к нему столь категорическое требование. Он только видел ее желтые, как у слепой лошади, зубы, основательный нос, желтый протухлый шиньон на голове, напоминавший старый войлок у выходных дверей.

– Княгиня! – прошептал он. – Я нахожу этот каламбур совершенно неудачным... Прежде всего, – тут он припомнил светлокудрую Кэтт, – я, так сказать, уже отдал сердце...

– О! – воскликнула «барыня Брандадым», – вы меня не поняли... Я не собираюсь посягать ни на ваше сердце, ни даже на руку... Вы женитесь на мне советским браком, чтобы, когда вы поедете за границу, и я смогла бы в качестве жены выехать с вами... Там, – «барыня Брандадым» заговорила с задетой гордостью, – мы разведемся, и я снова стану княгиней Оболенской...

– Но, княгиня...

– Это решительное мое условие!..

– Я хотел сказать, что у вас нет средств... Вы меня простите, но мы с вами люди деловые... Кто поручится, что, приехав за границу, вы не потребуете от меня средств к существованию в качестве моей жены?

– У меня есть средства!

– Но, княгиня... Эта обстановка... Дрова, тухлые кошки, ванна...

– Я вам говорю – у меня есть средства...

– Княгиня, я хотел бы доказательств... Простите, я не смею вам не верить, но мы с вами люди деловые...

«Барыня Брандадым» с достоинством приподнялась. У нее был вид оскорбленной королевы. «Негодяй» даже струхнул. «Черт с ней, – подумал он, – женюсь, пожалуй, а приедем, – сбегу в Италию, не буду жить в родной Швейцарии». Но княгиня вдруг сняла с себя парик, под ним обнаружилась совершенно лысая, блестящая, как молочная бутылка, голова, оснащенная по бокам бирюзовыми серьгами.

– Вы видите эту шишку? – ткнула она в нарост, величиной с голубиное яйцо. – Прошу вас потрогать и убедиться... Да не бойтесь, это не саркома!

«Негодяй» от смущения не знал, куда ему провалиться.

– В этой шишке вшит наш фамильный бриллиант в восемнадцать карат... Операцию сделал мне знакомый врач еще в восемнадцатом году... Теперь вы верите, что, переехав границу, я могу не нуждаться в таком муже, как вы...

«Барыня Брандадым» надела парик и опустилась в кресло.

– Я верю! – пискнул уничтоженный «негодяй».

– Согласны на мои условия?

– Согласен! – прошептал он еще тише.

– Мы с вами люди деловые, – сказала княгиня, – не правда ли?

– Деловые, – уныло подтвердил «негодяй».

– Напишите расписку, что я беременна и вы являетесь отцом моего ребенка!

– Кня-ягиня!

Она равнодушно отвернулась к окну:

– Как хотите!

– Хорошо: вы беременны, а я... ей-богу, не виноват!

– Я вас не виню... но мы живем в такое время, когда не веришь даже родному отцу...

Наконец все формальности были закончены, «негодяй» выдал обязательство жениться и увезти жену за границу. «Барыня Брандадым» вскипятила на примусе чайник, достала две чашки с отколотыми ручками, но зато «настоящего севрского фарфора», малинового варенья, спросила:

– Вам покрепче, дорогой жених?

«Негодяя» свернуло в коросту от этого уж очевидно неудачного каламбура, но он решил претерпеть до конца. Полчаса спустя он выходил из комнаты, окончательно растерявшийся и встревоженный. «Барыня Брандадым», придерживая рукой разболевшийся от варенья флюс, говорила с озабоченностью молодой жены:

– Так не забудьте же – они спускаются сегодня...

Глава восьмая

Любопытный опыт с кошкой

«Негодяй» на ходу вскочил в трамвай...

Было часа два. Самый пустой час на московских улицах. На углах дремлют моссельпромышленности, под солнцем растекается их шоколад.

В палатках, никуда не торопясь, пьют воду прохожие безработные, по тротуарам бродят сонные кошки; из окна, на котором свесилась потная перина, женщина в растрепанных волосах кричала кому-то:

– Марья!

– Чиво?

– Сегодня собрание комитета! Ва-аське скажи: перевыборы...

– Ска-ажу!..

На Петровке воняли автомобили, в окнах рыжели на солнце принадлежности дамского туалета, по тротуару унылый «снегирь» гнался за удиравшим яблочником, не выправившим патент. «Негодяй» мимоходом купил «Известия», пробурчал человеку, саданувшему его портфелем в бок:

– Извиняюсь! – и юркнул в темный холодный подъезд дома, выходившего углами на Софийку и Неглинный. Это был штаб концессионеров, обещавших Москве метрополитен.

Два инженера в голубых пижамах, разомлевшие от московской полуденной жары, лениво потели за чаем. Это были вполне честные немецкие лица: одинаковые губы цвета ветчины, глаза вялые, как трава, – медлительные, уверенные в каждом своем движении люди. В углу на подставке фотографического аппарата помещался прибор, напоминавший волшебный фонарь. Человек в черной маске поворачивал ручку, следя черными подковами глухих очков за стрелкой, прыгавшей по зеленым цифрам. Когда стрелка перескакивала на тридцать, из жерла прибора вырывались маленькие фиолетовые молнии в экран, укрепленный на стене. В замаскированном «негодяй» узнал инженера Кранца, прибывшего в экспедицию с непонятным поручением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.